

**Библиотека драматургии
Агентства ФТМ, Лтд.**

**Татьяна
Уфимцева**

**Леди Макбет
Мценского уезда**

Сценическая версия
повести Н. Лескова

ФТМ

УДК 82-2
ББК 84(2Рос)-6
У88

***Файл книги для электронного и PoD-издания
подготовлен ООО «Агентство ФТМ, Лтд.»***

У88 **Уфимцева, Татьяна Игоревна.**

Леди Макбет Мценского уезда: Пьеса / Татьяна Уфимцева. — М.: Агентство ФТМ, Лтд., 2017. — 42 с.
(Библиотека драматургии Агентства ФТМ, Лтд.).

ISBN 978-5-4467-2132-0

Знаменитая повесть Лескова в сценической обработке Татьяны Уфимцевой принимает неожиданную форму. В качестве основы инсценировки взят самый конец произведения, когда Катерина с Сергеем попадают в тюрьму. Известный сюжет, дополненный небольшими деталями, подается через «сцены-воспоминания», когда следователь Вочнев пытается разобраться в деле об убийствах в доме помещика Измайлова. Так известная повесть получает вторую, адаптированную для сцены жизнь.

ISBN 978-5-4467-2132-0

© Уфимцева Т. И. 2017
© Агентство ФТМ, Лтд., 2017

Картина первая

Женская камера Миценской тюрьмы. На нарах сидит Сонетка, разбитная девица лет 18. Дверь отпирает Надзирательница, женщина, лишенная возраста и эмоций.

Надзирательница. Заходи.

В камеру входит Катерина Измайлова, молодая женщина на сносях, с вещами, связанными в узел. Останавливается на пороге. Надзирательница толкает ее в спину.

Ишь, застыла... Заходи.

Дверь с лязгом закрывается. Катерина садится на нары, оглядывается.

Сонетка. Чего смотришь?

Катерина равнодушно отворачивается.

Тебя как звать?

Катерина. Катерина.

Сонетка. А меня Сонька. Тут все Сонеткой кличут.

Катерина заталкивает узел под кровать.

Добра-то сколь... табачку нет?

Катерина. Нету.

Сонетка. А то поделилась бы.

Катерина. Отстань.

Сонетка. Ух ты, кака сердита! Слыхала, что сердитых палками учат?

Катерина. Отстань.

Сонетка. Откуда ж ты взялась такая? Погоди-ка... да ты никак Измайлова? Купчиха? Вот это мне пофартило! Я и не мечтала с такой великой цацей в одной камере оказаться! Ну, чего нос воротишь? У нас тут попросту. Расскажи-ка лучше, за какой такой надобностью в тюрьму заглянула.

Катерина. Не виновата я.

Сонетка. Ха! А кто тут виноват? Тут все безвинно оговоренные сидят. Я тоже за всю жисть ничего чужого не брала, пока за руку не схватили.

Катерина. Ни в чем не виновата.

Сонетка. Оно конечно. Однако слушок ходит, что ты с любовником своим мальчика жизни лишила.

Катерина. Не было этого. Ничего не было.

Сонетка. Это ты следователю заливай.

Катерина. Не было.

Сонетка. Ну как хошь.

Катерина. Мне бы... человека одного повидать. Он здесь где-то... Нельзя?

Сонетка. Отчего нельзя? За деньги все можно. Статую этой, что тебя сюда привела, дашь четвертак и видайся вон в коридоре. А за полтину можно и здесь, на постельке полежать, коли приспичит. Только тебе это сейчас без надобности.

Катерина. А тебе?

Сонетка. Ха! Не родился еще тот молодец, что меня приручить смог бы. У меня вкус есть, я выбор блюду. Не то, что некоторые. Мне-то любовь подавай не просто так, а чтоб была со страданиями да с жертвами!

Надзирательница отпирает дверь.

Надзирательница. Измайлова! На выход.

Катерина. Куда?!

Надзирательница. К следователю. Барахло оставь. Пошла.

Картина вторая

Комната для допросов в тюрьме. За столом сидит следователь Вочнев. Надзирательница вводит Катерину.

Надзирательница. Измайлову привела.

Вочнев. Спасибо. Можете идти.

Надзирательница выходит за дверь.

Здравствуйте, Катерина Львовна. Присаживайтесь. Меня зовут Вочнев Петр Афанасьевич. Я буду вести ваше дело. Может быть, вы сами расскажете, как все было?

Катерина. Нечего рассказывать. Не было ничего.

Вочнев. Как же не было? Ведь люди видели.

Катерина. Чего они видели?

Вочнев. А вот извольте ознакомиться (*читает*). Из показаний машиниста Лыкова Петра Игнатьевича: «Двадцать девятого января сего года мы с товарищами возвращались из церкви мимо измайловского дома. В щель между ставнями проби-
вался свет. И мы решили посмотреть, что там молодая Измайлиха и ихний приказчик Сережка делают. Сказывали, что между ними во всякую минуту амуры идут. Я оперся на спины товарищей и заглянул в щель. На кровати лежал мальчик Федор, племянник мужа Измайлихи, а они с приказчиком душили его подушкой. Я закричал: «Душат!» — и все побежали в дом, но дверь была на запоре. Когда мы выбили дверь и зашли в дом, мальчик был уже мертвый». Что скажете, Катерина Львовна?

Катерина. Брешет он. Не было такого.

Вочнев. Но ведь мальчик умер.

Катерина. Умер. Он болел сильно.

Вочнев. Судебно-медицинское вскрытие показало, что мальчик умер от удушения. Вот данные экспертизы.

Катерина. Ничего не знаю. Не было этого.

Вочнев. Катерина Львовна, ну какой вам смысл заператься? Есть свидетели.

Катерина. Не виновата я.

Вочнев. Ну хорошо. Давайте начнем сначала. Расскажите о себе.

Катерина. Чего рассказывать?

Вочнев. Где родились, кто родители, все по порядку...

Катерина. Родилась в селе Тускари Курской губернии в крестьянской семье. Отец рано помер.

Вочнев. Отчего?

Катерина. Сгорел от пьянства.

Вочнев. Тяжело жили?

Катерина. Да нет... не тяжело, бедно просто, а так... вольно. Побежишь, бывало, с ведрами на реку и под пристанью в одной рубашке купаешься, а то еще какого прохожего молодца через калитку подсолнечной лузгой обсыплешь... нет, хорошо жилось... а когда мне восемнадцать годков минуло, ко мне посватался богатый купец Зиновий Измайлов.

Вочнев. Вы мужа любили?

Катерина. Чего?

Вочнев. Я говорю, вы замуж шли по любви или какому влечению?

Катерина. Какое влечение? Ему о ту пору уже пятьдесят с лишком годов было.

Вочнев. Вас что же, насильно выдали?

Катерина. Нет, не насильно. Сама пошла. Мне выбирать не приходилось. Жили-то мы бедно, беднее некуда. Отец, бывало, вернется с трактиру пьяненький, позовет меня и скажет: на тебе, Катька, кукиш, на него что захочешь, то и купишь. Шутил так. Вот... а у них, у мужа и свекра три дома, сад большой и мельница в аренде, куда мне было деваться?

Вочнев. Сколько вы прожили с мужем?

Катерина. Пять лет.

Вочнев. Жили хорошо?

Катерина. Хорошо. Так хорошо, что впору уда-
виться...

Картина третья

*Столовая в богатом доме Измайловых. За столом сидят
Борис Тимофеевич и Зиновий Борисович, свекор и муж
Катерины.*

Борис. Сегодня к Онучевым пять мешков круп-
чатки свежи.

Зиновий. Свежу.

Борис. Самовар остыл совсем. Где жена твоя?
Опять по комнатам слоны слоняет? Катерина!

Катерина. Я здесь, тятенька.

Борис. Самовар остыл. Кликни Аксинью.

Катерина. Сейчас.

Борис. Завязала она тебе судьбу, неродица. Я ду-
мал, будет наследник моему имени и капиталу, а оно
вон как вышло.

Зиновий. Не посчастливилось.

Борис. Какое уж тут счастье.

*Катерина возвращается с Аксиньей, толстой дворовой
девкой.*

В воскресенье Онучевы на крестины звали. Слышь,
Катерина?